Автор: С. Самоделова, "Московский комсомолец", 29.10.2004
17.05.2010 16:15 - Обновлено 17.05.2010 16:33

Его считали кудесником, на него молились, как на икону. В портовую поликлинику, где он работал, народ валил, как на демонстрацию. От алкоголизма, наркомании и табакокурения он лечил портовых рабочих и спившихся бомжей, министров и знаменитых актеров, послов и космонавтов… Коллеги называли его шаманом, шарлатаном и проходимцем. Церковь объявила доктора сатанистом. Нападки прекратились после того, как на одной из подмосковных дач ночью он закодировал члена Политбюро ЦК КПСС. Выехавшая в Феодосию компетентная комиссия Минздрава СССР констатировала: тысячи пролечившихся у Довженко людей не пьют. Единственный из наркологов, он был удостоен звания народного врача СССР. О необычной судьбе Александра Романовича Довженко и его высокопоставленных пациентах на родине врача в Феодосии рассказали репортеру “МК” его родственники, помощники и друзья.

По отполированной волнами гальке сеет мелкий дождь. Таким же пасмурным февральским днем 1995 года прощались с доктором Довженко. Из клуба портовиков гроб с его телом вынесли на мокрую от дождя пристань. “Голоса” полусотен грузовых судов и траулеров слились в один “крик”. Доктора, долгие годы проработавшего в портовой поликлинике, провожали, как капитана. Деньги на скромные похороны собирали всем миром. Ни государство, ни вылечившиеся у Довженко “звезды” не дали ни копейки.

— Я не могу понять, за что судьба обошлась с Александром Романовичем столь жестоко, — говорит близкий друг доктора, писатель и поэт Эдуард Абрамов. — Довженко одним словом исцелял больных, а сам за несколько лет до смерти после тяжелых кризов потерял дар речи.

Последнее слово, которое с большим трудом произнес Александр Романович, было “Отелло”. Так звали черного с белой манишкой кота — любимца доктора. Усатый день и ночь сидел у постели умирающего хозяина. К парализованному врачу его жена и полуслепая младшая сестра в течение трех лет никого не пускали.

Именитый доктор умирал в ужасных условиях. В квартире было постоянно холодно (в

Феодосии случались перебои с отоплением). Устав ухаживать за больным, жена и сестра морили его голодом. Соседи вспоминали, что за день, случалось, они давали Александру Романовичу лишь одно яблоко или один мандарин. Умер доктор на 77–м году жизни, перенеся два инсульта.

“С пяти утра к нему домой уже стучали: “Доктор, помогите!”

Ступеньки поликлиники морского торгового порта спускаются на набережную. Из кабинета Довженко хорошо виден пирс.

— Александр Романович без моря жить не мог, — рассказывает Эдуард Абрамов. — Нередко зимой, сняв туфли и закатав до колен брюки, он с удовольствием бродил у кромки прибоя. А когда к нам на зимовку стали прилетать лебеди — брал булку белого хлеба и шел к морю кормить птиц. В один из таких вечеров доктор рассказал мне, как с пацанами они в охраняемый порт пробирались. Глядя в глаза охраннику, Романыч просил: “Пропустите, дяденька!” И, ко всеобщему удивлению, их пропускали. Уже тогда он начал догадываться о своих необычных способностях. Как-то, играя, он сказал другу: “Спи!” — и тот уснул. Так Довженко окончательно убедился, что его взгляд гипнотизирует. После школы он три года с отцом в море на теплоходе ходил, всему экипажу гипнозом снимал головную и зубную боль, стрессовое напряжение. В те предвоенные годы Романыч и решил стать врачом.

Петляя по узкому коридору поликлиники, выходим к рентгеновскому кабинету.

“Здесь, в предбаннике, по субботам на общественных началах доктор начал проводить сеансы лечебного гипноза, — рассказывают сотрудники поликлиники. — В закутке размещалось 25—30 человек. Начальник порта Павел Винник попросил Довженко вылечить вконец спившегося очень ценного специалиста. Доктор провел с ним несколько гипнотических сеансов. И безнадежный пьяница стал трезвенником”. К Довженко потянулись люди: “Романыч, помоги!”.

Официальная медицина предлагала алкоголикам полтора месяца есть пачками тетурам в больнице, потом нужно было пройти 20 сеансов условно-рефлекторной терапии, которую метко окрестили “рыгаловкой”, или того хуже — пару лет провести за колючей

проволокой в ЛТП. Довженко же методом эмоционально-стрессовой терапии избавлял от пристрастия к спиртному за один сеанс. Бывшие алкоголики смотрели на “беленькую”, как на прокисший суп!

Вся традиционная медицина восстала против Довженко. “Вы тянете нас назад, к шаманству!” — выговаривали коллеги. Священнослужители нашли в приемах кодирования нечто сатанинское, подавляющее человеческий разум.

— Александру Романовичу не давали нормально работать, замучив комиссиями, — говорит Эдуард Абрамов. — А все зависть! Хотя к Довженко народ шел, как на демонстрацию. Каждое утро около поликлиники собиралась толпа.

На железнодорожном вокзале то и дело спрашивали: “Как найти Довженко?” В 5 утра к нему домой уже стучали: “Доктор, помогите!”. Официальные власти хватались за голову: в Феодосию со всей страны ехали алкоголики.

Театр одного актера

Свои сеансы Довженко превращал в театр.

— Театр Довженко начинался с огромного щита, на котором были написаны правила для желающих вылечиться, — вспоминает доктор медицинских наук Ирина Шадрина, более десяти лет проработавшая с Довженко. — Это был один из психотерапевтических приемов, которых в арсенале этого удивительного доктора было огромное множество. Перед сеансом необходимо было выдержать двухнедельный срок трезвости.

Долгое время, вплоть до официального признания, Довженко не допускал на свои сеансы врачей, опасаясь, что методика перейдет в чужие руки. Ставить уникальные спектакли Довженко помогали преданные помощники, среди них особо выделялся фронтовик Петр Архипович Бондаренко. Тон всему действию задавала старшая медсестра Вера Ивановна Осипова — красавица блондинка, которая была прирожденной актрисой. В день сеанса голосом королевы она объявляла страждущим:

“Сеанс состоится!” Затем выходил сам доктор. Крупный, высокого роста, статный, он держался прямо, двигался легко и выглядел очень внушительно. На кармашке его белоснежного, словно царская мантия, халата были вышиты всего три буквы: ДАР — Довженко Александр Романович. Дав себя лицезреть, Довженко удалялся, и действие продолжала старшая медсестра. Она проникновенно зачитывала письма от благодарных пациентов. Затем в ее голосе все больше и больше проявлялись грустные нотки: она читала письма от родственников тех, кто нарушил “законы кодирования”, кого разбили параличи и инсульты. Голос ее замолкал. В зале все замирали. Это была “минута молчания”.

Тут появлялся Довженко и, сурово обозревая присутствующих, говорил: “Носки и пятки поставить вместе, руки положить на колени!”
После группового внушения проводилась “стрессотерапия”, или индивидуальное “кодирование”. Длилось оно не более 20 секунд. Каждый сам решал, на какой срок ему кодироваться, большинство говорили: “До конца жизни”.

— Сеанс гипноза отнимал у брата массу нервной энергии, — рассказывает Владимир Романович. — С ним случались обмороки, по три ночи он не мог уснуть. Поэтому сеансы проходили обычно в пятницу — перед выходными.

Брат нередко выезжал кодировать на заводы и даже в лечебно-трудовые профилактории. В ЛТП кидали клич: “Кто пожелает вылечиться — после сеанса отпустим домой”. В залах набивалось по 60—100 человек.

“Байбаков неофициально отправил в Феодосию своего референта”

Слух о крымском кудеснике Довженко дошел до Кремля.

— Как-то в мае к доктору приехала пожилая, представительная и модно одетая дама, — вспоминает Эдуард Абрамов. — За руку она держала мальчика лет двенадцати. Оказалось, что это была жена Егора Кузьмича Лигачева, секретаря ЦК КПСС, в то время второго человека во властных структурах. К доктору она привезла единственного внука, который страдал тяжелой формой аллергии. Мальчик не мог попробовать многие овощи и фрукты, а ел в основном вареный картофель. Довженко взял из рук бабушки

большую коробку с лекарствами, которую они привезли с собой, и выбросил все содержимое в урну. Потом он усадил рядом мальчика и начал “священнодействовать”. Через сорок минут он громко произнес: “С этой минуты ты совершенно здоровый человек!”. Когда мальчик очнулся от гипнотического состояния, Романыч сказал ему: “У меня для тебя подарок” - и вытащил из ящика стола три ярких мандарина: “Ешь!”. Бабушка не выдержала: “Он же их ни разу в жизни не пробовал!”. Мальчуган смело снял с фруктов кожуру и с видимым наслаждением начал глотать одну дольку за другой. А когда они вышли из корпуса, пацан - впервые в жизни - стал нюхать траву и собирать цветы!

Из высочайших партийных кабинетов в Феодосию был послан гонец. И вскоре на подмосковной даче ночью тайно был закодирован один из членов Политбюро. Методом Довженко заинтересовался председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков, который в то время еще и возглавлял комиссию Политбюро ЦК КПСС по борьбе с алкоголизмом.

Байбаков неофициально отправил в Феодосию к Довженко своего референта и фотографа. Гости неделю общались с доктором, побывали на сеансе лечебного гипноза. Все материалы по возвращении в Москву они передали шефу.

- У могущественного Байбакова был преданный советник - генерал, у которого тяжело заболела жена, - вспоминает Абрамов. - Александр Романович снял у нее соматические расстройства.

В Феодосию выехала компетентная комиссия Министерства здравоохранения СССР, которая констатировала: тысячи пролечившихся у Довженко людей не пьют. 15 декабря 1984 года Довженко вызвали в Москву.

- Через несколько дней Александр Романович позвонил мне из столицы: “Эдик! Нам отдают дачу Стамболи!”, - вспоминает Абрамов. - Это здание в восточном стиле было “визитной карточкой” города. Во дворец вскоре и переехал Республиканский наркологический психотерапевтический центр. Известно только два случая, когда подобный центр был организован не в Москве, а в провинции: для доктора Илизарова в Кургане и для Довженко в Феодосии.

“Данелия и Юсов просили справку о кодировании”

В новую клинику Довженко хлынул еще больший поток больных, среди которых было немало знаменитостей.

- Довженко лечил правнучку Тараса Шевченко - Прасковью Ивановну, первую жену артиста Евгения Евстигнеева - Лилию, Юрия Яковлева, Ролана Быкова. Неоднократно он оказывал помощь брату первого секретаря ЦК Компартии Украины Щербицкого, - вспоминает Эдуард Абрамов. - В октябре 84-го к доктору в сопровождении администратора Крымской филармонии приехала София Ротару. Мы ее едва узнали: была она одета очень просто и без макияжа. Оказалось, что не так давно то ли от простуды, то ли от перегрузок у певицы во время одного из выступлений пропал голос. Она прошла курс лечения, и голос восстановился. Но остался синдром страха, что подобное может повториться. Помню, Александр Романович улыбнулся и сказал ей: “Не беспокойтесь, Ротарочка, я вам помогу!”.

- Прямо у стойки нашей регистратуры познакомились актриса Ирина Печерникова, сыгравшая главную роль в фильме “Доживем до понедельника”, и Александр Соловьев - Красавчик из “Зеленого фургона”, - рассказывает сотрудница центра Антонина Петрова. - Они втайне ото всех приехали к нам в Феодосию кодироваться. Саша подошел к Ире, поздоровался и спросил: “Вы любите Грина?”. Она удивилась: “Это мой любимый писатель”. “Сейчас я вас поведу по его местам”. Дни напролет артисты бродили по набережной. Ирина признавалась нам: “Я боялась ехать к Александру Романовичу, волновалась так, что язык отнимался. А он подошел ко мне, положил руку на плечо: “Я тебя где-то уже видел! Скажи, где?”

Уже после кодирования Довженко все спрашивал Печерникову: “Почему артисты так много пьют и так часто спиваются?” Она ответила: “Мешает популярность, любовь зрителей, которые балуют актеров и все им прощают”. А когда она уезжала от нас, в сердцах бросила: “Ну почему меня не прогнали в Феодосию еще тогда, когда я только начинала пить? Довженко, оказывается, уже тогда лечил! Ведь я потеряла все!”

- Довженко все время повторял: “Если человек сам искренне не желает лечиться - толку не будет”, - говорит Эдуард Михайлович. - Привезли как-то к доктору известного украинского режиссера Леонида Осыку. Ассистент буквально бросилась в ноги к Довженко: “Режиссер - умнейшая голова. Но запил. Остановились съемки, артисты ждут, простаивает оборудование”. Осыку поселили в гостиницу, приставили охрану и стали ждать, когда он протрезвеет. Александр Романович закодировал его на 5 лет. Все

эти годы он не брал в рот ни капли! Но, как только вышел срок, запил по-черному, продлевать код не захотел, так и умер, не дожив до 50 лет.

Довженко, по воспоминаниям бывшего члена президиума Федерации авиации и космонавтики СССР Владимира Отделенцева, стали привлекать для консультаций по вопросам психологической совместимости космических экипажей. Также доктора вызывали то в Киев, то в Москву. Спустя неделю он возвращался.

- Доктор выезжал и к Брежневу, и к Суслову, - говорит 94-летний бывший председатель Госплана СССР Николай Байбаков.

- У Леонида Ильича Брежнева было тяжелое ранение в ногу, его мучили боли, - говорит, в свою очередь, помощник доктора Абрамов. - К Довженко обращались за помощью не только по поводу алкоголизма. Например, Вячеслава Тихонова он лечил от неврозов и табакокурения. Доктор успешно избавлял от заикания, “снимал” депрессивные состояния, излечивал аллергические расстройства, избавлял от страхов.